

А.А. ГРИЦАНОВ, Т.Г. РУМЯНЦЕВА

ЭВОЛЮЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: ОТ ПАРАДИГМАЛЬНОСТИ МОНИСТИЧЕСКОГО ТИПА К РАМОЧНОЙ МОДЕЛИ

Системное осмысление и концептуальная рефлексия над проблемой, что представляет собой социальная теория в «классической» и новейшей своих версиях, связано в русскоязычной общественной мысли (духовное пространство современной Беларуси здесь и далее рассматривается нами как органичный компонент более широкого — российского — поля) с достаточно узким рядом знаковых интеллектуальных фигур. С одной стороны, идеологически-силовое доминирование теоретической модели, претендовавшей на универсальность и именованной «исторический материализм», вынуждало высказываться по поводу этого предмета довольно многих компетентных специалистов. С другой стороны, реальное приращение знаний в данной сфере гуманитарного знания осуществлялось в границах отечественной традиции крайне неспешно. Здесь сказывалось то, что любое критическое или даже просто вдумчиво-адекватное постижение этого круга вопросов граничило с посягательством на незыблемость оснований «марксистско-ленинского мировоззрения». Одновременно последовавшая в 1990-е гг. радикальная либерализация духовной области в государствах бывшего СССР носила, по сути своей, характер инициированной извне «идейной интоксикации». Разработка системных подходов, призванных сформулировать новый канон «игры в бисер» в формате «социальной теории», т.е. модернизировать философский фундамент «цивилизации восточных славян», не могла осуществляться в русле мессианистских просветительских технологий соросовского типа. Жизненно важной была задача институционализации данного поля исследований на базе использования потенциала собственных научных кадров и отечественных ресурсов.

В России круг проблем, посвященных осмыслению природы «социальной теории», был введен в разряд первоочередных известным мыслителем – доктором философских наук, профессором Ю. М. Резником. Именно ему принадлежит заслуга в организационном оформлении и институционализации вопросов мировоззренческого, эпистемологического и гносеологического статуса «социальной теории», а также предложение собственной оригинальной программы постижения ее сущности. Так, согласно его позиции, социальная теория – это интегративная дисциплина, занимающая промежуточное место между философией и конкретными социальными науками и изучающая устойчивые и существенные связи социального мира с точки зрения его «внутренней» логики существования и развития. В ее предметную область входит, с одной стороны, изучение природы социального и построение моделей социального мира в целом, а, с другой – анализ «внутренних» (институциональных, функциональных, динамических и пр.) связей между «главными» явлениями социума (личностью, культурой и социальной организацией) и «целостными социальными феноменами» (институтами, структурами, группами). В последние годы автор склоняется к точке зрения, что социальная теория постепенно эволюционирует от системно-интегративного понимания социального к превращению в особую область «рефлексивного» постижения социальной реальности, сопровождающуюся критикой (реконструкцией) существующих и конструированием новых идей, понятий и средств ее познания и преобразования¹.

Наличие столь юного – по времени своего существования – рефлексивного проекта, во многом являющегося задачей только начинающей складываться научной школы, обусловило специфику всех главных русскоязычных полемик по данному предмету. Как правило, все они проходят в русле идеи о том, что органическое (парадигмальное) единство современной социальной теории в принципе недостижимо; при этом констатируется, что внедрение в реальные образовательные практики посткоммунистических обществ исключительно «рамочного» истолкования статуса «социальной теории» в среднесрочной перспективе также вряд ли осуществимо. Слишком укорененным в сознании общества и власть имущих являются простота, лапидарность и – главное – идеальная приспособленность объяснительной

¹ См.: Резник Ю. М. Введение в социальную теорию. В 4 ч.: Ч. 1. Социальная эпистемология. М., 1999; Ч. 2. Социальная онтология. М., 1999; Ч. 3. Социальная системология. М., 2003.

модели «исторического материализма» к любым извивам «генеральной идеологической линии».

В целом усилия складывающейся школы Ю.М. Резника способны сегодня сформировать определенное профессиональное сообщество, компетентное в соответствующей области, но отнюдь не предложить универсальную программу разработки соответствующей «социальной теории».

Так, в специальной литературе уже отмечалось: «Современное общественное и культурное положение отмечено особенностью, которую можно истолковать как несогласие между настоящей потребностью в объяснительно-прогностической теории, ощущаемой повсеместно в нашем обществе, и неспособностью ее представить, которая демонстрируется официальным научным сообществом. Имеется в виду потребность в теории самого высокого уровня обобщения социально-исторических изменений, переживаемых миром на переломе столетий, сквозь призму которой могли бы получить объяснения и наши собственные социальные проблемы»².

Существенно важно и то, что содержательная рефлексия на предмет знаниевого и прикладного потенциала той или иной социальной теории для процессов «оздоровления» наличного массива русскоязычной просветительской и специальной литературы – во многом вынужденно – ориентирована на круг вопросов «интеллектуального обслуживания» Власти. Этой последней необходимы убедительные доказательства того, что предлагаемый корпус интеллектуальных наработок (как правило, в духе той или иной западной школы) окажется предпочтительнее издавна сложившихся («истматовских») просветительно-исследовательских технологий. Последние – на вербальном уровне – намного более понятны тем неизбывным неофитам в этой сфере, каковыми являются современные отечественные чиновники, составляющие аппарат институтов высшего образования. Современная же Власть в славянских странах СНГ по-прежнему и будет, в конечном счете, решать, что именно правомерно именовать «знанием», а также что конкретно будет позволено квалифицировать допуском-рекомендацией «социальная теория».

Целью данного текста является формулировка возможных версий ответа на следующие вопросы:

² *Солонин Ю.Н.* Россия в контексте современной социально-философской мысли // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: Сб. статей. Выпуск I / Под ред. Б.В. Маркова, Ю.Н. Солониной, В.В. Парцвания СПб., 2001. С. 262.

1. В чем заключались «сильные» и «слабые» стороны материалистического понимания истории (исторического материализма) и сопряженной с ним «теории научного коммунизма» как двух ипостасей «социальной теории» тоталитарного образца? От чего и каким образом необходимо отказываться в границах конструктивного преодоления тоталитарно-универсалистского типа «социальной теории»?

2. Существует ли на Западе доминирующее понимание перспективы организации современных социально-гуманитарных дискурсов в единый корпус знаний, централизованной конструкцией «социальная теория»?

1. Исторический материализм может трактоваться сегодня как особая социальная теория, редуцированная, идеологизированная и изначально приспособленная к выполнению «сервильных функций» для «нового класса номенклатуры». В его основе лежит методологическая процедура аппликации диалектической схемы развития по Г. Гегелю на гипотетические тенденции развития социально-экономической структуры человеческого общества. Истмат объяснял внутренние взаимозависимости общественных структур по универсальной системообразующей формуле: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

Вполне справедливым видится замечание К.Х. Момджяна о том, что здесь речь идет не об одной-единственной идее, а о целой системе равноуровневых постулатов, взаимодополняющих, но не взаимно заменяющих друг друга. По его мысли, идея определяющей роли общественного бытия в отношении общественного сознания, идея первичности практики в отношении духовных и духовно-практических форм жизнедеятельности, идея определяющей роли экономического базиса в отношении надстройки отнюдь не совпадают друг с другом. Тем не менее, методологический и идейный монизм «социальной теории» К. Маркса этим тезисом отнюдь не ставится под сомнение.

В границах исторического материализма современная общественная ситуация в контексте востребованности «социальной теории» как России, так и в иных постсоветских государствах, может получить вполне адекватное объяснение, характеристика современного российского социума как «индустриального общества модерна» страдает явной односторонностью. Сфера производства – за счет сталинской «революции сверху» – была организована как номенклатура отраслей, присущая эпохе

модерна. Одновременно система управления, социальной мобильности и организации коммуникации соответствовала традициям сословного (и даже кастового) строя.

Модернизм маркируется допущением возможности плюрального моделирования миров и, соответственно, идеей онтологического плюрализма. К предпосылкам формирования и утверждения идей модернизма могут быть отнесены следующие интеллектуальные ходы, сформировавшие, увы, научную ментальность в современной России:

1) Формирование комплекса идей о самодостаточности человеческого разума, выразившееся в элиминации из структур соответствующих философских рассуждений трансцендентно-божественного разума как основания разума в его человеческой артикуляции (воинствующий атеизм).

2) Складывание представлений о творческо-созидательной природе Разума, с одной стороны, и о его исторической ограниченности – с другой (политическая целесообразность возводится в ранг принципа, превышающего по значимости установки на гуманизм и поиск истины).

3) Идеи, согласно которым человеческий разум по своей природе контекстуален и способен трансформировать социальную реальность (мировоззренческий и теоретический волюнтаризм).

Таким образом, идеал отражения действительности и познавательный пафос классического мировоззрения оказался замещен установкой на социальный конструктивизм и соответствующие – чисто инструментальные – требования к «социальной теории».

Показательно то, что в концептуальном плане совокупность идей, гипотез и социально-преобразующих программ, именованная Марксом и Энгельсом как «научный коммунизм», не совпадала с теорией исторического материализма. Последний являет собой комплекс теоретических представлений, предметом которых выступали законы и закономерности стихийной необходимости в обществе, процессы осуществления истории в структурах отчуждения и самоотчуждения; он анализирует сущность и параметры классового по природе своего общества, в границах которого именно «общественное бытие» определяет «общественное сознание». «Научный» же коммунизм в своей потенции интерпретировался Марксом и Энгельсом как теория самоуправляющегося общества, способного регулировать направление и темпы социальных изменений; как теория общества, освободившего людей от закрепощения стихийными силами экономической динамики (общества) и достигшего стадии эффективного контроля над последствиями человеческих действий. Переход от социума, выступавшего объектом исторического материализ-

ма, к социуму — объекту «научного коммунизма» рассматривался как «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» на основе сформировавшегося мирового рынка и централизованной капиталистической экономики. Увеличение производительного потенциала человечества в целом было сопряжено, по Марксу, со все большей деградацией индивида, поработанного силами отчуждения и властью денег. Коммунизм поэтому, согласно ранним работам Маркса, должен был явиться спасительным результатом универсального преодоления (в процессе «самообогащающегося отчуждения») всевозрастающей амбивалентности природы человека классового общества и обретения им таким образом «подлинного освобождения».

Степень идеологической нагруженности социальной философии Маркса весьма значительна: эта теория выступала, согласно квалификации А. Боскова, как разновидность «социального проповедничества», где рефлексивные суждения об обществе — каким оно является исследователю, — замещаются представлениями оценочно-деятельностного плана о том, каким социум *должен быть*, чтобы с наибольшей полнотой удовлетворять «главным» потребностям родовой природы человека (об этом неоднократно писал также К. Поппер). В этом отношении фундаментом марксовской социальной теории выступает «парадигма равенства», фактически противопоставленная «парадигме свободы».

«Свобода» по Марксу, или «коммунистическая» свобода, внешне выступала как свобода экзистенциального порядка, как свобода «родового сознания», уничтожающего плюрализм личных интересов людей во имя безграничного развития всего богатства природы человека. Негативная, частная свобода индивидов в обществе и государстве (имплицитная несущая конструкция всех «социальных теорий», являющихся продуктом именно социологической модели организации социально-гуманитарного знания, т.е. такового знания эпохи либерализма) понимается в «научном коммунизме» как эгоистическое по сути самоотчуждение, как свидетельство растущей дегуманизации человека. Маркс в принципе отвергал трактовку свободы в контексте индивидуалистически-правовых понятий и ориентаций либерально-демократического толка.

Ввиду приверженности адептов исторического материализма и коммунизма преимущественно насильственным процедурам переустройства общества, подавляющим инициативу отдельной личности и унифицирующим потребности и репертуары поведения людей, коммунизм (как определенный общественный идеал) невозможен для осуществления в региональных масштабах. Коммунизм может выступать и анализироваться (на уровне мысленного социального эксперимента) исключительно в

виде сознательно самоизолирующейся, замкнутой и статичной общественно-экономической, геополитической и духовной системы; либо мыслиться как принципиально вне альтернативное планетарное явление.

Любая общественная система, потенциально ориентированная на установление собственного планетарного господства (в данном контексте не имеет принципиального значения во имя чего — идеи «мировой революции» либо планетарного продвижения «цивилизаторских ценностей»), как правило, будет ориентирована на нормативность именно единой «социальной теории».

Попытки нынешнего российского руководства вернуть государству утраченные геополитические позиции осуществляются в идейно-теоретических проектах, все более сопоставимых с претензиями на вселенское доминирование диамата / истмата. Как отмечалось, в этом контексте «становится понятной принятая сейчас стратегия в области информационной политики. Любопытным является тезис о духовно-эстетической открытости русского народа, его *всесветкости* /потенциальной планетарности. — А.Г., Т.Р./, универсальной отзывчивости на глубинные человеческие чаяния, в какой бы своеобразно-национальной форме они не были выражены. Этот идеалистически-сентиментальный образ русского национального комплекса одинаково популярен среди сторонников всех основных течений нашей общественной мысли, выполняя различную функцию. Сторонники консервативно-традиционных ориентаций защищаются ею от обвинений в своем изоляционизме и националистическом предупреждении, ибо быть истинно русским означает в то же время быть адекватным принципам истинного универсального гуманизма. Для представителей противоположного стана эта же мысль является оправданием их антиизоляционистских действий и программ»³.

Разрабатываемые в настоящее время на Западе новые и новейшие подходы к задачам конструирования «социальной теории» представляются мало пригодными для российских реалий. В современных условиях России (государственный капитализм в олигархическом формате) установки главных игроков на любой арене действия (от нефтегазовой до организационно-научной) сводятся к установлению собственного тотального доминирования монополистического типа. Право выбора и легитимации адекватной «социальной теории» узурпировано узким кругом учреждений, позиционирующихся преимущественно вне рамок собственно научного

³ Солонин Ю.Н. Россия в контексте современной социально-философской мысли // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: Сб. статей. Выпуск 1 / Под ред. Б.В. Маркова, Ю.Н. Солониной, В.В. Парцвания. СПб., 2001. С. 266.

статуса. При этом – что всегда свойственно для предельно идеологизированных и перегруженных волюнтаристскими оценками официальных моделей устройства российского социума – смысл конкретно-исторического бытия массового человека выносится «за пределы» наличного исторического времени. Нормативные «социальные теории» (в своем политическом измерении) включают – в статусе атрибутивного параметра собственных архитектур – просвещенческую идею общественного прогресса. Тем самым, ценность жизни отдельно взятых людей неизменно переводится в разряд орудийного средства для функционирования коммунистической системы («общества реального социализма») в целом.

Единственно возможной перспективной и позитивной идеологией осмысления природы и сущности философеми-социемы, именуемой «социальная теория», является для России организация креативно-мыслящих субъектов на базе собственных интеллектуальных и материальных ресурсов государства. Это позволит провести конструктивную критику соответствующих идеологем марксистского толка, используя вполне органичный для сознания их носителей и последователей категориальный инструментарий. Главным же в этой деятельности является, с нашей точки зрения, элиминирование из гуманитарных концепций и идеологических доктрин, в очередной раз претендующих на статус официально санкционированной «социальной теории», элементов извне привнесенных оценочных суждений. «Очистка словаря» социальной теории, дополненная конвенциональным достижением консенсуса по содержанию базовых философско-социологических понятий и категорий, только и способна как обеспечить взаимную смысловую конвертируемость отечественных и зарубежных социально-гуманитарных подходов, так и предотвращение распада дисциплинарного гуманитарного пространства на хаос самодостаточных и не весьма осмысленно предлагаемых дискурсов. Важность этой задачи обуславливается тем, что для выстраивания свободной иерархии новаторских дискурсов в ходе их конкурентной борьбы необходима достаточно высокая медиана профессиональной компетентности научной среды. В условиях же избыточно карательной истории отечественной интеллектуальной традиции XX в. истиной неизменно выступала «точка зрения, преодолевшая все возражения» (Ч.С. Пирс), но весьма специфическим образом.

Одновременно только процедуры организационной отстройки таких структур способны вывести данные дискуссии за пределы – пусть даже и не дилетантских – но, как правило, «узкоцеховых междусобойчиков». Потребность в адекватной «социальной теории» всегда присутствует в границах самодостаточных культур и цивилизаций: вопрос заклю-

чается в том, чтобы сформировать таковой «общественный заказ» на уровне критериев и на языке мировой философско-социологической мысли.

II. «Первый общесоциологический кризис» традиционно увязывается (Ю.Н. Давыдов) со становлением «неклассической социологии». Неклассическая социология («полипарадигмальная» «по определению») во многом одновременна процессу осознанного оформления в геополитической системе Запада двух центров силы, противопоставленных не на экономико-политическом, а на культурно-метафизическом плане социального бытия: Германия, Италия и др., с одной стороны, англосаксонский блок государств – с другой. С тех самых пор мы можем зафиксировать достаточно показательное разделение гуманитарных дискурсов, связанных с осмыслением проблем «социальной теории» на: а) «континентальную» (как правило, «критическую» линию) и б) «американскую» («структурно-функциональную», приверженную постулатам «общественного равновесия»).

Исходный кризис «социальной теории» – это, прежде всего, кризис концептуальных схем классического историзма. Они оформились в XVIII и XIX вв., опираясь на общественную (преимущественно политико-экономическую) составляющую при объяснении исторических явлений. Конец XIX в. добавил к ней параметры культурного измерения. Учения о поступательности истории как восходящем процессе, о развитии как утверждении все более совершенных и сложных форм социальной организации и жизни человека, о рациональной подконтрольности социально-исторических изменений явились главными отличительными признаками подобного историзма. Он был ориентирован на будущее и его позитивно-оптимистическое осмысление: исторический процесс представлялся нравственно-содержательным, как выглядело нравственным и само сознательное участие в нем. Социальная теория в секулярной форме, т.е. рационалистически, стремилась воспроизвести все основные принципы сакральной истории человечества, преодолевающей маршрут к доминированию все более сложных и рафинированных форм общественного бытия.

Потрясения XX в. показали, что история не только не вписывается в рамки, очерченные теорией, но также и рационально не контролируема и вообще обнаруживает свойства, прямо противоположные тем, что ей приписывались. Она оказалась абсурдной, алогичной и иррациональной. Она осуществима в формах, которые человеком адаптированы на уровне фундаментальных, нерелексированных структур его жизнедеятельности: в них он более историчен, но все признаки подлинной историчности испаряются в рефлексиях, порожденных в искусственных интеллектуализированных формах социальности. Как традиционный человек жил про-

шлым, так человек секуляризованного мира жил будущим. Настоящее время – время разрушения структур будущего. Представления о нем заменяются абстрактно-бесстрастной фиксацией этапов: эпохи индустриализма, постиндустриализма, информационного общества и т.д.⁴

Такие предпочтения современных – уже «неклассических» и «постнеклассических» – творцов «социальной теории» объяснимы и еще в одном общественном контексте. Классические социальные теории, к которым можно отнести концепции К. Маркса, Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Р. Мертона, Т. Парсонса и мн. др., базируются на констатации определенной самоидентичности социальных систем: лишь допуск подобного рода делает возможным веру ученых в принципиальную возможность адекватного понимания сущности социальных процессов. Кризис классической философии, развитие постмодернистских тенденций в современной культуре инициировали появление стратегий деконструкции в современной философии. Отказ от субстанционализма как определяющего принципа построения нормативной социальной теории означает утрату устойчивых – инвариантных – оснований философского конструирования, и, в конечном счете, ставит под вопрос саму возможность объективного, «неинструментального» познания общества.

Когнитивные презумпции классической рациональности в социальном познании оказались значительно поколеблены в процессе осмысления итогов эволюции стратегий и тактик эпохи Просвещения. Последние продемонстрировали, что так называемый здравый смысл и повседневное, дилетантское знание демонстрируют удивительную жизнестойкость перед репертуарами идеологического принуждения и насильственной мировоззренческой индоктринации. Кроме того, развертывание широких общественных движений XX в. развеяло свойственную классическому обществознанию культурно-антропологическую иллюзию, будто бы овладение «высокой» наукой и элитарной культурой служит достаточным сдерживающим средством против растворения в массе⁵.

Трагический опыт тоталитарных коммунистических и фашистских движений XX в., показал, что развитый индивидуализм и культурная утонченность не только не предотвращают, но при определенных условиях даже и поощряют саморастворение в массе⁶. Современные же представления о культурно-исторических и не разрушающих себя пределах адекватности теорий классического обществознания питаются в основ-

⁴ Там же. С. 264.

⁵ *Oakeshott M.* Morality and Policy in the Modern Europe. London, 1993.

⁶ *Арендт Х.* Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. 1992. № 2. Т. 1. С. 27.

ном императивами этики ненасилия: запретами на насильственное разрушение жизненных миров и на прямое вмешательство власти в сферу человеческой повседневности (Н.М. Смирнова).

Классическая «социальная теория» предполагала абсолютизацию одной или нескольких социальных параметров в статусе онтологически первичных. История социального познания знает примеры фундаментализации различных сторон и характеристик человеческого бытия, типов социальных отношений и конфликтов: прецедент «общественного договора» (Ж.-Ж. Руссо), географическое положение, климат и почва Ш. Монтескье, А.Р.Ж. Тюрго), овеществленный человеческий труд (А. Смит), материальные производственные отношения (К. Маркс, Ф. Энгельс), архетипы коллективного бессознательного (К.Г. Юнг) и целерациональное социальное действие (М. Вебер). Основания подобного выбора, как правило, не эксплицируются: их онтологическая первичность постулировалась как самоочевидная.

Неокантианский поворот от Гегеля к Канту знаменовал собой отказ от традиционных для новоевропейской культуры метафизических установок с присущей им ориентацией на построение универсальных онтологических конструкций, претендующих на постижение подлинной сущности мироздания. Им на смену приходит иная форма метафизики — поиск основ социальной организации: но не в традиционном для европейской культуры смысле установления «оснований бытия», а в осмыслении сущности базисного слоя человеческого знания, самой его структуры. Данный поворот в истории трактовок «природы социальной теории» предполагал: а) рассмотрение философии в качестве метода достижения позитивного знания, а не как самого этого знания; б) сопряженный с этим отказ от притязаний онтологии на статус философской дисциплины; 3) признание наличия обуславливающих познание априорных форм; 4) ограничение самого познания сферой опыта и т.д.

В конечном счете, классическое социальное знание было расщеплено на множество «дисциплинарных рациональностей», соответствующих многообразию не сводимых друг к другу типов человеческой деятельности.

Классическая социальная теория сформировалась в рамках парадигмы индустриального общества, и, соответственно, ее теоретические построения были обусловлены спецификой самой социальной реальности, которая репрезентируется в теории «организованного модерна»: «Последний представлял собой социетальную конфигурацию, составные элементы которой накапливались еще с XIX в., но которая окончательно оформилась только после Второй мировой войны. Основная черта «организованного модерна» состояла во всеобъемлющей конвенционализации со-

циальных практик, что являлось средством уменьшения общественной неопределенности, вытекающей из автономии действующих индивидов, путем канализации действий на основе принципов социальной приемлемости и функциональности. В экономической сфере «организованный модерн» представлял собой «фордизм» как специфическую модель организации социально-экономических процессов, основанную на социальном компромиссе между капиталом, трудом и государством. В политической – «организованную демократию» как форму эффективной институционализации спонтанной политической активности. В интеллектуальной – «коалицию за модернизацию», объединявшую политико-административную элиту и интеллектуалов, переориентировавшихся с дистанцированного наблюдения на теоретическое фундирование социальных технологий»⁷.

Современные версии истории новоевропейской гуманитарной мысли, к сожалению, серьезно уступают аналогичным описаниям-моделям развития западного естествознания. Тем не менее, достаточно общим местом (с некоторыми существенными оговорками) стало увязывание классического и раннего неклассического обществоведения с выражением менталитетов техногенной цивилизации модерна. В свою очередь, социально-философский постмодернизм жестко не ассоциируем с менталитетом информационного общества⁸. Феноменологические же модели «социальной теории», фундированные идеей «жизненного мира»⁹, репрезентируют достаточно целостный образ социальности. Они основывают свои предпосылки на установках философского модерна (устойчивость социально одобренных типизаций и структур релевантности), одновременно отрицая их за «оторванность» от «жизненного мира» и за онтологизацию процедурной составляющей традиционного социологического метода.

Согласно специально отстроенной модели, осмысливающей статус «социальной теории» в современную эпоху «общества коммуникации» (В.М. Лоскутникова), переход общества к информационному этапу развития диктует необходимость создания теории, адекватно описывающей его коммуникативный характер. Переход от индустриального к информационному обществу, формирование информационной инфраструкту-

⁷ См.: *Фурс В.Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Мн., 2000.

⁸ См.: *Румянцева Т.Г.* Классика – Неклассика – Постнеклассика // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн., 2007.

⁹ См.: *Румянцева Т.Г.* Жизненный мир // Всемирная энциклопедия. Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М., Мн., 2001.

ры общества приводят к тотальному изменению форм социальности, которое не сводится только к множеству социальных взаимосвязей, а определяется коммуникативным характером самой социальной реальности. В этом случае общество рассматривается не как некая социальная конструкция, а как коммуникативный механизм, определяющий не только динамику, но и сущность социальных процессов. Интерпретация сущности социальных процессов с позиции теории коммуникации отражает реалии информационного общества и позволяет выявить патологии, возникающие в современном коммуникативном пространстве. Сущностные особенности социальных процессов эксплицируются путем анализа механизмов коммуникации, когда коммуникативное пространство предстает как аутентичная форма социальной реальности. Исследование социальных процессов с точки зрения коммуникации представляет собой базовую интенцию социальных наук, что приводит к образованию множества моделей коммуникации. Предметом анализа в этом плане является имманентное содержание коммуникации, которое определяется механизмами коммуникативного пространства. Следовательно, основная проблема исследования коммуникации в рамках данного подхода сводится к проблеме исследования механизмов управления коммуникации. Поворот в развитии социальной теории сводим к тому, что в качестве основания исследования выступают не репрезентативные формы социальной реальности, а механизмы коммуникации. Трансформация сущности социально-философского анализа не снимает вместе с тем проблему аутентичного описания социальных процессов. Напротив, процесс информатизации социального пространства делает необходимым исследование социальных процессов с позиции теории коммуникации.

В рамках современной общественной и духовной ситуации когнитивные стратегии, не тематизирующие проблем «вариативности», «маргинальности», «пограничности», трактуются уже не вполне адекватными¹⁰. В центр внимания современной социальной методологии помещаются тематизмы социальной нестабильности, динамической неравновесности, моделирования альтернативных сценариев, переходных этапов, ситуаций-трансгрессий и сопоставимости языковых и культурных практик. В таком исследовательском контексте структуры социума, ранее представлявшиеся сравнительно целостными и монолитными, «расползаются» на автономные области и подсистемы, особые ценностные анклавы и изолированные темпоральные зоны. Власть, представлявшаяся ранее стро-

¹⁰ См.: Филитпович А.В., Семенова В.Н. Послесловие. Против постмодернизма // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн., 2007.

го локализованной на социетальном уровне, расплывается по всему социальному пространству (учение о «микрофизике власти» у М. Фуко).

Все это требует деформации классического исследовательского дискурса, подразумевающего, главным образом, отказ от принципа методологического универсализма и единообразия при рассмотрении общества. Объективное и официально признанное сосуществование ряда конкурирующих парадигм в новейшей «социальной теории» означает признание наличия в мировой интеллектуальной традиции качественно различных теоретико-методологических подходов к постигаемому объекту — социуму. Принцип пафосного плюрализма концептуальных исследовательских подходов предполагает не столько признание легитимности различных (но при этом равноценных) стандартов рациональности, сколько осознание принципиальной ограниченности любого из них. Эта «теоретическая неполноценность» преодолевается современными социальными дисциплинами посредством постулирования возможности прямого и обратного перехода от одного подхода к другим. (В основу в данном случае кладется специфическим образом осмысленный постмодернистский принцип «дополнительности»¹¹.) Приоритетность этой методологической модели над классическими монистическими стратегиями видится как в возможности креативного комбинирования различных аспектов рассмотрения общества применительно к каждому конкретному социальному тематизму, так и в фиксации принципиально коллективного статуса субъекта социального познания¹².

Сторонники принципиальной возможности и позитивной осуществимости сохранения классического идеала «универсальной социальной теории» (в формате единого фундамента процессов кросс-культурной глобализации) ссылаются на вполне сохранившийся в системе базовых исследовательских координат гуманитарных дисциплин принцип доминирования идеалов и норм Просвещения. Отмечается, что, к примеру, практика электронных голосований (как входящая в повсеместное распространение процедура политических институций информационного общества) есть всего лишь социально предопределенный инструмент: он в принципе не способен изменить условия, которые лежат в основе фундаментальных структур общества Нового времени. Так, Дж.П. Грант, анализируя эту ситуацию, отмечал: «Представления о справедливости, дей-

¹¹ См.: Грицанов А.А. Дополнительность // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн., 2007.

¹² См.: Грицанов А.А. Смерть субъекта // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн., 2007.

ствующие в современных политических философиях, созданы той же самой концепцией разума, которой созданы и технологии. Один и тот же западный рационализм породил и современное естествознание, и современную политическую философию. Способы применения компьютера будут так или иначе продиктованы политикой в широком смысле слова. А политика в нашу эпоху определяется представлениями об обществе, коренящимся в том же самом представлении о разумной рациональности, которым произведено на свет новое взаимное переплетение искусств и наук»¹³.

Близко к подобной точке зрения располагаются также и иные — по форме — позиции. Так, нередко утверждается (концепция М. Кастельса¹⁴), что с точки зрения социальной теории пространство является материальной опорой социальных практик разделения времени; при этом любая материальная опора всегда несет в себе символическое значение. Под социальной практикой разделения времени имеется в виду факт, что пространство сводит вместе те практики, которые осуществляются одновременно. Именно отчетливое материальное выражение такой одновременности дает смысл пространству по отношению к обществу. Традиционно это понятие отождествлялось с близостью, однако фундаментальным является то, что осуществляется отделение базовой концепции материальной опоры одновременных практик от понятия «близости», чтобы объяснить возможность существования материальной опоры одновременности, которая не связана с «физической близостью», поскольку именно таков случай доминирующих социальных практик информационной эпохи. Согласно идеям Кастельса, современное общество построено вокруг потоков: капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Потоки есть не просто один из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в нашей экономической, политической и символической жизни. Если дело обстоит именно так, материальной опорой процессов, доминирующих в наших обществах, будет ансамбль элементов, поддерживающих такие потоки и делающих материально возможным их отчетливое проявление в «одновременном времени».

В типах культуры западного формата, которые можно охарактеризовать как подчеркнуто демократический «поиск единства в многообразии», превалирует подход, согласно которому «социальная теория» осуществима только как — в пределе — рамочная конструкция, устанавливающая

¹³ См.: Новая технократическая волна на Западе: Сборник статей. М., 2000. С. 159.

¹⁴ См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ.; Под научн. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.

границы проблемного поля соответствующих гуманитарных исследований. Данная версия «социальной теории» предполагает лишь маркировку того, что не имеет непосредственного отношения к этим тематизмам, иерархизируя соответствующие дисциплинарные дискурсы посредством введения понятия «транс-дискурсивность» (Фуко¹⁵). Таким образом им обозначался тип дискурсивности, который — обладая нормативно-креативным потенциалом — самим фактом своего существования инициирует в культуре определенную традицию дискурсивных практик.

Фуко выделял различные, условно им вычленяемые, уровни дискурсивных практик («подобное расслоение не является ни прочным, ни постоянным, ни абсолютным»):

а) дискурсы, «которыми обмениваются изо дня в день, дискурсы, которые исчезают вместе с тем актом, в котором они были высказаны»;

б) дискурсы, «которые лежат в основе некоторого числа новых актов речи, их подхватывающих, трансформирующих или о них говорящих, словом ... дискурсы, которые — по ту сторону их формирования — бесконечно сказываются, являются уже сказанными и должны быть еще сказаны». Дискурсы такого типа, по мысли Фуко, позволяют «строить (и строить бесконечно) новые дискурсы».

По оценке Фуко, специфика авторов, находящихся в позиции «транс-дискурсивности», заключается в том, что они «являются авторами не только своих произведений, своих книг», — они создали «нечто большее: возможность и правила образования других текстов».

В качестве примера авторов, чей дискурс характеризуется этим параметром, Фуко приводит З. Фрейда и К. Маркса: так, «Фрейд ... — не просто автор *Толкования сновидений* или трактата *Об остроумии*; Маркс — не просто автор *Манифеста* или *Капитала*, — они установили некую бесконечную возможность дискурсов».

Аналогично, феномен «транс-дискурсивности» радикально отличен, согласно оценке Фуко, от основания научной дисциплины: «В случае научности акт, который ее основывает, принадлежит тому же плану, что и ее будущие трансформации; он является в некотором роде частью той совокупности модификаций, которые он и делает возможными». Эта принадлежность, по мысли Фуко, может принимать различные и даже разнообразные формы: «Акт оснований той или иной научности... может выступать в ходе последующих трансформаций этой науки как являющийся, в конце концов, только частным случаем некоторого гораздо

¹⁵ Грицанов А.А. Трансдискурсивность // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн., 2007.

более общего целого... Он может выступать также и как запятанный интуицией и эмпиричностью, и тогда его нужно заново формализовать и сделать объектом некоторого числа дополнительных теоретических операций, которые давали бы ему более строгое основание ... Наконец, он может выступить и как поспешное обобщение, которое приходится ограничивать и для которого нужно заново очерчивать более узкую область валидности» и т.д.

Идеал «социальной теории», по всей видимости, оказывается замещен в своих наиболее влиятельных – постструктуралистских, «континентальных» – интерпретациях механизмом «транс-дискурсивности». Дискуссионным здесь может быть лишь выбор «этикетки», но вряд ли сама характеристика доминирующего сегодня механизма самовоспроизведения гуманитарной традиции Запада.